

Славяноведение, 2024, № 1, с. 95–114

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 95–114

DOI: 10.31857/S0869544X24010078

Оригинальная статья / Original Article

Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии)

© 2024 г. Г.П. Пилипенко, С.А. Борисов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

glebpilipenko@mail.ru, borisovsergius@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье обсуждается языковая компетенция членов смешанной чешско-хорватско-боливийской семьи, проживающей в западной Славонии. Рассматривается языковая компетенция на хорватском, чешском и испанском языках. Чешский язык используется внутри чешского миноритарного сообщества, испанский язык используется уроженкой Боливии, имеющей хорватские корни. Анализируются модели адаптации заимствований кроатизмов в испанской и чешской речи собеседников, а также адаптация богемизмов в речи на хорватском языке. Особое внимание уделяется лингвистической характеристике родных идиомов информантов: боливийского варианта испанского языка и сложившегося в Хорватии варианта чешского языка. Используются статистические методы для выявления частотности функционирования отдельных заимствованных элементов. Установлено, что степень проникновения элементов L2 в L1 зависит не только от генетической близости контактирующих языков, но также от времени их усвоения, частоты использования. Рассматриваемый случай является уникальным для данного региона и позволяет выяснить механизмы использования трех языков на микроуровне.

Ключевые слова: хорватский язык, чешский язык, испанский язык, полилингвизм, заимствования, переключение кода, полевое исследование, Хорватия.

Ссылка для цитирования: Пилипенко Г.П., Борисов С.А. Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 95–114. DOI: 10.31857/S0869544X24010078

Family Multilingualism in the Minority Community of Croatia (The Case of a Multilingual Family from Western Slavonia)

© 2024. Gleb P. Pilipenko, Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

glebpilipenko@mail.ru, borisovsergius@gmail.com

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The paper discusses the linguistic competence of members of a mixed Czech-Croatian-Bolivian family living in western Slavonia. Language competence in Croatian, Czech and Spanish is analyzed. Czech is used within the Czech minority, Spanish is used by a native of Bolivia with Croatian roots. The models of loanwords adaptation of Croatian items in the Spanish and Czech speech of interlocutors, as well as the adaptation of Czech items in Croatian language are analyzed. Particular attention is paid to the linguistic characteristics of the native idioms of the informants: the Bolivian version of Spanish and the Croatian version of Czech. Statistical methods are used to identify the frequency of functioning of individual borrowed items. It is stated that the degree of penetration of L2 items into L1 depends not only on the genetic affinity of the languages, but also on the time of their acquisition and on the frequency of use. The case under consideration is unique for this region and allows us to find out the mechanisms of using three languages at the micro level.

Keywords: Croatian, Czech, Spanish, multilingualism, borrowings, code switching, field research, Croatia.

For citation: Gleb P. Pilipenko, Sergej A. Borisov. Family Multilingualism in the Minority Community of Croatia (The Case of a Multilingual Family from Western Slavonia) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No 1. P. 95–114. DOI: 10.31857/S0869544X24010078

0. Внимание лингвистов в последнее время все больше обращено к идиолектам говорящих, к изучению феномена языковой личности в многоязычном окружении (см., например, [Харламова 2020; Skorwid 2019]). В частности, развивается метод языкового профилирования информантов, в особенности — проживающих в контактных зонах [Конёр, Макарова, Соболев 2019]. Стратегии внутрисемейного общения в условиях контактирования языков также исследуются достаточно активно [Lanza 2021]. Изучается становление языковой компетенции детей в смешанных семьях [Zentella 1997], сохранение и поддержание херитажных языков в сообществах мигрантов (см., например, [Перотто 2015; Vorobyeva, Bel 2021]), переключение кодов в бытовых сферах общения, например, в смешанной итальянско-хорватской семье [Županović Filipin, Bevanda Tolić 2015].

В фокусе нашего внимания находится чешская община, проживающая в Хорватии. По чешско-хорватскому билингвизму и контактному взаимодействию двух славянских языков в рамках изучаемой общины имеется обширная литература, в том числе последних лет [Bělič 1959; Brkićová-Strejčková 2012; Horyna 2012; Mirković 1968; Sohrová 2005], проводятся полевые исследования и в наши дни. Особое внимание исследованию языковых личностей и семейного общения уделяется в статьях [Skotáková 2018; Stráníková 2020]. Однако проблематике полилингвизма среди чехов в балканских странах до сих пор не уделялось пристального внимания, обычно исследования ограничивались анализом двух контактирующих языков. О триязычии чехов Румынии (румынский, сербский, чешский) речь идет в статье [Борисов, Пилипенко 2020b], однако оно рассматривается на уровне общины и конкретных населенных пунктов, внутрисемейное общение не обсуждается. Между тем изучение распределения языков по сферам общения и языковой компетенции носителей в каждом из исследуемых идиомов (в приложении к миноритарным сообществам) представляется весьма перспективным направлением. Оно может вскрыть более тонкие механизмы при

выборе языкового кода, выявить культурно и ситуативно обусловленные модели языкового поведения, проследить различные инновации на уровне идиолектов, которые впоследствии могут закрепиться в языке более широкой группы населения (см. например, работу о черногорско-албанском языковом контактировании, в которой анализируется ситуация в том числе на примере одной семьи и брачных стратегий членов семьи [Морозова, Русаков 2018]). Кроме того, сбор данных о языковых практиках большого количества семей позволяет моделировать языковую ситуацию прошлого [Добрушина 2011]. Вместе с тем, когда мы говорим о полилингвизме в семьях, проживающих в условиях миноритарных сообществ, мы можем столкнуться с весьма нетривиальными ситуациями, в которых набор контактируемых языков для изучаемого региона будет нехарактерным и не вполне ожидаемым. Такие случаи, с одной стороны, оказываются языковым экспериментом, когда в контакт вступают языки, взаимодействие которых в естественных условиях было бы невозможно, с другой стороны, при более пристальном взгляде набор задействованных языков все же имеет свою логику формирования и функционирования.

Во время проведения полевого исследования в мае 2019 г. среди чешской общины Дарувара были получены контакты семьи, которая проживает в окрестностях города в селе P¹. В этом селе, согласно данным переписей, проживали хорваты, сербы и чехи. Интерес для нас представляла семья В., в которой муж З.В. — чех, уроженец этих мест, тогда как его жена В.В. происходит из смешанной хорватско-итальянской семьи из Боливии, при этом хорватская идентичность у нее развита больше, чем итальянская. Оба супруга в настоящее время проживают в селе Р., оба в возрастной группе 50–60 лет, воспитывают двоих детей. Что касается языкового репертуара, то З.В. владеет чешским языком, который для него является родным, а также хорватским. В.В. говорит по-испански, это для нее родной язык, по-хорватски, а также по-чешски. В.В. с мужем общается по-чешски и по-хорватски. З.В. говорит с детьми и с женой по-чешски.

Нашей задачей было выяснить уровень языковой компетенции супругов на родных для них языках (L1), а также оценить степень знания второго (L2) и третьего (L3) (для В.В.) языков. С этой целью исследователи проводили полуструктурированные интервью с каждым информантом по отдельности. С В.В. была записана беседа на испанском языке (большая часть разговора), также были получены высказывания на хорватском и чешском языках, длительность интервью составила 92 минуты 14 секунд, длительность интервью с З.В. на чешском языке составила 50 минут. Часть общения (39 минут) проходила с участием обоих информантов на чешском и хорватском языках. Все интервью были транскрибированы авторами статьи. Объем словоупотреблений у В.В. составляет 3981, у З.В. — 11 600. Кроме того, было получено несколько высказываний на чешском языке (общим объемом 56 словоупотреблений) от сына информантов (К.В.)².

Статья организована следующим образом. В первом разделе обсуждается языковая компетенция В.В. на испанском языке, во втором разделе анализируются ее высказывания на хорватском языке, в третьем — на чешском, четвертый раздел посвящен анализу идиолекта З.В., в пятом разделе приводятся общие выводы, рассматривается распределение языков по сферам использования. Охарактеризовать языковую компетенцию полностью в каждом из идиомов не

¹ В целях сохранения анонимности информантов здесь мы не используем полных имен и названий населенных пунктов.

² В настоящей статье они не анализируются.

входит в наши задачи, это бы превышало рамки отдельной статьи. Мы сосредоточимся на контактных явлениях, а также на региональных/диалектных дистинктивных признаках (ср., например, характеристику языковой компетенции в [Конёр, Соболев 2017]).

И. В странах Латинской Америки с XIX в. сформировались многочисленные хорватские диаспоры. В Боливии также существует община хорватов. С конца XX в. наблюдается волна миграции хорватов из этих стран в Хорватию, переезжают также те, кто родился и вырос в странах Латинской Америки и для кого родным языком уже стал испанский (подробнее см. [Rajković, Gadže 2014; Antić 1986]). О контактах хорватского языка с испанским, в частности, об адаптации испанизмов в хорватском языке и о случаях переключения кода пишут в статье [Skelin, Musulin, Blažević 2021], дискурсивные маркеры в речи хорватов Аргентины и Уругвая обсуждаются в работе [Пилипенко 2018].

Как упоминалось выше, родным языком для В.В. является испанский. Речь идет о варианте испанского языка, который распространен в Боливии, а конкретнее – в городе Кочабамба и окрестностях, т.е. на западе страны в зоне Анд (департаменты Потоси, Оруро, Ла-Пас) (*zona andina*) [Mendoza 2015]. Около 70% населения Боливии говорят на диалекте этой зоны. Помимо этого варианта в Боливии выделяется восточный вариант испанского языка (департаменты Бенí, Санта-Крус) (*zona oriental*), а также небольшая диалектная зона на юге, именуемая южной (департамент Тариха) (*zona sureña*). Наряду с испанским языком в Боливии широко используются (в зависимости от региона) языки коренных народов, прежде всего кечуа и аймара. Их влияние заметно в большей степени в испанском языке зоны Анд [Ibid., 27]. В идиолекте собеседницы наблюдаются характерные черты, свойственные языку западного региона страны. Для большей части Боливии характерно различие фонем /ʎ/ и /j/ (территория без «йеизма») [Ibid., 26; Нарумов 2000, 460], в этом отношении боливийский испанский отличается от вариантов испанского языка в соседних странах, в частности в Аргентине (хотя для приграничных с Боливией провинций Аргентины свойственно это явление). Звонкий палатальный спираント /j/ и боковой палатальный сонант не смешиваются в речи В.В.: *mi hermana que me* [ʎ]ama de Washington (моя сестра, которая мне звонит из Вашингтона); *e*[ʎ]os abrieron esas fábricas (они открыли эти заводы); *a*[ʎ]á y murió (там и умер); *cuando* [j]a termina el carnaval (когда уже заканчивается карнавал); *el ra*[j]o rompió casi un árbol (молния почти сломала дерево); [j]o conocía la gente *ma*[j]or que [j]o (я знала людей старше меня). Что касается морфологического явления *lleísmo*, характерного для всех трех диалектных зон, то в речи В.В. оно не отмечено, везде происходит последовательное разграничение местоимений *le(s)* и *lo(s)*: *los mete al horno* (их ставит в духовку); *y te lo llevas a la casa* (и ты их несешь в дом); *no les molesta el olor* (им не мешает запах).

Среди других признаков, по которым происходит членение выделенных групп, следует упомянуть устойчивость [s] во всех позициях: перед согласным [s] не произносится как [h], в позиции конца слова [s] также сохраняется: *no tenían esa*[s] *e*[s]*calera*[s] (не было этих лестниц); *ca*[s]*cara de la cebolla* (шелуха от лука); *con hierba*[s], *con vela*[s] (с травами, со свечами). В восточной зоне, напротив, [s] неустойчив, не произносится в конце слова, в середине слова перед другими согласными он произносится как [h] [Mendoza 2015, 31–32]. Еще одним дистинктивным признаком является распространение явления *voseo*. В регионе, откуда родом В.В., оно встречается редко, в основном в императиве, тогда как в формах личного местоимения *vos* чередуется с *tú*. При этом *voseo*

маркировано [Ibid., 31–32]. В речи информантки это явление не отмечается: *tú también* (ты тоже); *abres los regalos a la medianoche* (ты открываешь подарки в полночь); *si alguien quiere contigo ir* (если кто-то хочет с тобой идти); *tienes que hacer pasteles* (ты должен делать пирожные); *tienes manos largas, puedes agarrarlo* (у тебя длинные руки, ты можешь достать его). Формы с императивом соответствуют норме без *voseo*: *mira* вместо *mirá*. Местоимение *vos* не зафиксировано. Другие отличительные признаки зоны Анд не реализовывались в речи В.В. Так, для нее не характерен переход [ř] в [z]: *pe[ř]o* – *pe[z]o* (собака) [Matras 2009, 33], а также редукция безударных гласных [Ibid., 35]. Следует отметить социальный статус семьи В.В. В детстве она училась в частной школе, в семье была прислуга: *yo tenía un chofer, quien me llevaba al colegio, yo no hacía nada, yo era una señora* (у меня был шофер, который меня отвозил в школу, я не делала ничего, я была сеньорой). Вероятно, это сказалось на усвоении испанского языка, в котором (в разговоре с исследователем) не проявляется большинство характерных для ее родной зоны лингвистических признаков. Ее речи свойственны явления, проявляющиеся на макроуровнях, в более крупных региональных вариантах, которые зачастую распространяются за пределы Боливии. Индейскими языками В.В. не владеет.

На языковой компетенции информантки в испанском языке сказывается влияние хорватского окружения, в котором она оказалась с восемнадцати лет. Прежде всего оно ощущается в лексике, когда в предложении на испанском языке появляются как одиночные, так и многословные вставки на хорватском языке. Доля хорватских заимствований небольшая, при этом они демонстрируют признаки адаптации к принимающей языковой системе. В расшифрованном интервью на испанском языке общим объемом 3410 словоформ были подсчитаны лексические заимствования из хорватского языка. Их количество составило 42 словоформы, или 1,23% от общего количества, включая высказывания, которые можно отнести к случаям переключения кода³. Среди одиночных заимствований (о статусе одиночных заимствований см. [Myers-Scotton 2006, 260]) больше всего существительных, встречаются и наречия. Глагол с хорватским влиянием обнаружен только один (см. пример (9)). Кроме собственно хорватских лексем отмечается некоторое количество интернационализмов, использующихся в хорватской огласовке. Заимствования происходят спонтанно, часто сопровождаются испанским аналогом либо метаязыковыми комментариями и гезитациями. Приведем примеры⁴.

(1) *Mi papá es de acá, pero tiene su padre de Austria, **Austrijanac**, mi mamá es, cómo se dice, nació en Bolivia*⁵ (Мой отец отсюда, но у него отец из Австрии, австриец, моя мама, как сказать, родилась в Боливии).

(2) *Quería aprender idiomas para ir a-a **turizam**, y conocía, prima hermana que trabajaba con él* (Я хотела изучать языки, чтобы пойти на туризм, и я познакомилась с сестрой, которая работала с ним).

(3) *Empleada en la lavandería, en unas, **prostorijas** enormes, donde lavaban la gora* (Работница в прачечной, в огромных помещениях, где стирали белье).

³ При подсчетах здесь и далее учитывались четко атрибутируемые лексические элементы из L2, калькированные конструкции, синтаксические особенности (например, порядок слов) не рассматривались.

⁴ В примерах под номерами приводятся высказывания, содержащие контактные явления с более широким контекстом.

⁵ В высказываниях информантов на испанском и хорватском языках сохранена традиционная орфография.

(4) En el techo tenía una, una **prostorija** para eso (На чердаке было помещение для этого).

(5) Mi amiga, que aquí es **Ruskinja**, ella me llamaba (Моя подруга, она здесь русская, она мне звонила).

В приводимых высказываниях можно видеть как слова с интернациональными корнями (например (2)), так и хорватскую лексику. В большинстве случаев заметна хезитация, растягивание конечных гласных, повторы, паузы перед заимствованным словом. В примере (3) видно встраивание кроатизма в словоизменительную систему испанского языка: существительное снабжается показателем мн. ч., а также неопределенным артиклем ж.р. мн. ч. (*en unas **prostorijas***). Выбор рода в данном случае обусловлен принадлежностью данной лексики к ж.р. в хорватском языке, а также исходом слова на *-a*. Неопределенный артикль ж.р. ед. ч. у данной лексики находим в примере (4) (*una **prostorija***). Что касается акцентных особенностей, то они у всех лексем следуют языку-источнику (например, на третьем слоге с конца в примерах (3), (4), (5)). В примере (5) использование существительного *ruskinja* в испанском высказывании может быть обусловлено тем, что в данном сообществе это наименование употребляется не столько как обозначение национальности лица, о котором идет речь, сколько как его отличительный признак.

Интернациональная лексика, а также географические названия в высказываниях В.В. на испанском языке имеют хорватскую огласовку.

(6) Ayer hice asado con **špageti** (Вчера я сделала жаркое со спагетти) (исп. *espagueti*).

(7) Su señora es de **Slovenija**, se conocieron en el aeropuerto (Его жена из Словении, они познакомились в аэропорту) (исп. *Eslovenia*).

(8) Ahora usan perfumes, **dezodorantes**, **guel**, eso ahora usan (Сейчас используют духи, дезодоранты, гель, это сейчас используют) (исп. *desodorante*, исп. *gel*).

(9) Tengo que organi[z]arme (Мне нужно организовать себя).

В заимствованиях заметны особенности хорватской фонетики, например, отсутствие *e-* перед сочетанием *s+V* (6), (7), наличие звуков [z] (8), (9), [š] (6). В глагольной форме *organizarme* информант четко произносит интервокальный [z], что можно связать с влиянием аналогичного хорватского глагола *organizirati se*. Здесь мы сталкиваемся с проблемой интерпретации подобных явлений: происходит ли заимствование глагола целиком (при полной его адаптации к принимающей системе), либо влияние ограничивается изолированным переносом конкретной фонетической особенности из хорватского языка.

Часто в речи В.В. обнаруживаются дискурсивные маркеры, междометия и частицы из хорватского языка, которые могут быть как однокомпонентными, так и многокомпонентными, они в ситуациях языкового контакта заимствуются очень часто [Борисов, Пилипенко 2021, 58–59] и являются показателем прагматически доминантного языка [Matras 2009, 193–197]. В интервью они использованы по одному, максимум по два раза, однако общая их доля среди кроатизмов в речи В.В. немалая – 17%. Обратные примеры – использование испанских дискурсивных маркеров (напр., *bueno* (хорошо), *sí* (до), *no importa* (неважно) и др.) в речи хорватов из Аргентины можем обнаружить в работе [Skelin, Musulin, Blažević 2021, 615–616].

(10) Y él iba y le decía a mi suegra, **ajde**, dame un poco de leche (И он пошел и сказал моей свекрови, дай мне немного молока).

(11) Allí teníamos en la pared, junto al árbol, **ne** (Там у нас было, на стене, рядом с деревом).

(12) Habían algunas situaciones que se cree que hay vudu, **da** (Были некоторые ситуации, что верят, что есть вуду, да).

(13) **Evo**, mira, es membrillo chiquitito (Вот, смотри, это маленькая айва).

(14) De dónde yo vine, **mila majko** (Откуда я приехала, мама дорогая).

Кроатизмы вводятся в речь вместе с испанским аналогом, который следует за заимствованием. В примере (15) за хорватским наречием *hladno* следует испанское слово *frío*. В примере (16) дается не дословный перевод, а приводится подобная лексема (при этом кроатизм *celer* снабжен определенным артиклем м.р. ед. ч. *el*), таким образом собеседница уточняет значение, если не может подобрать испанский аналог.

(15) Yo estaba en Rijeka, no, nada que ver! Todo era **hladno**, frío, nada, nada que ver (Я была в Риеке, нет, ничего такого нет! Было все время холодно, ничего, ничего такого нет).

(16) Esto es el **celer**, es una, como el perejil, algo así (Это сельдерей, это как петрушка, что-то подобное).

Использование хорватской лексемы сопровождается метаязыковыми комментариями, которые чаще всего имеют форму вопроса: *как сказать/как называется (по-испански)?* Они маркируют трудности говорящего при порождении высказывания, при этом испанское слово может быть не названо. В.В. в разговоре с исследователем обращается к нему за помощью. В (17) хорватской лексеме *porez* предшествует определенный артикль м.р. мн. ч. *los*, тогда как само хорватское слово приводится после паузы в своей начальной форме в ед. ч. В примере (18) лексема *mjesečarka* является термином, который не имеет аналога в испанском языке. В (20) процесс актуализации испанской лексемы происходит постепенно, информант произносит фонетически похожие слова *fico*, *fica*, подбирая нужное, и обращается за помощью к исследователю. В (21) В.В. самостоятельно вспоминает проблемную лексему через введение хорватского аналога. Показательно, что предварительно используется определенный артикль ж.р. мн. ч. *las*, хотя хорватская лексема *golub* и ее испанский аналог *pichón* относятся к м.р. Во всех приводимых примерах проблемным словом становится испанская лексема, что свидетельствует о постепенном вытеснении испанских лексем на периферию и доминировании их хорватских аналогов.

(17) Pero cuando empezaron los problemas con los, **porez**, cómo se dice, con el porcentaje ese, que es veinticinco porcentaje, que tienes que pagar, perdieron todo (Но когда начались проблемы с, налог, как сказать, с этими процентами, которые двадцать пять процентов, которые ты должен платить, они потеряли все).

(18) Todo el año florece, esto es una de, cómo se llama, **mjesečarka** (Цветет круглый год, это одна из, как она называется, *mjesečarka*).

(19) В.В. Esta es mi huerta. Cómo diciste, no ciruelas! Е, **breskva**, е (Это мой огород. Как ты сказал? Не сливы! Э, персик (хорв.)).

Г.П.⁶. Durazno! (персик (исп.)).

(20) В.В. El primer año nació, cómo se llama en español ésto? Fico, fica? (В первый год уродился, как называется по-испански это? Fico, fica?)

Г.П. Higo. (инжир).

В.В. El higo, higo (инжир, инжир).

(21) Y se comía también las, cómo se dice, е, **golube**, las, no el pato, cómo se llama, el pichón, los pichones se comían (И ели также, как сказать, голуби (хорв.), не утка, как называется, голубь (исп.)! Голубей ели).

⁶ Г.П. — Глеб Пилипенко.

В высказывании (22) во время поиска испанского слова происходит переключение кода на хорватский язык, а также используется третий язык — английский (при этом заметны особенности произношения английских слов: *sherry* вместо *cherry*). Метаязыковые комментарии приведены на двух языках — на испанском и хорватском. Появление английского языка здесь можно объяснить фактом языковой биографии В.В.: школа в Боливии, которую посещала В.В., была с английским языком обучения. Кроме того, этот язык ассоциируется с интернациональным общением, в ситуации коммуникации с исследователем привлечение английского языка, в понимании информанта, способно лучше донести для иноязычного собеседника смысл проблемной лексемы. Переключение кода на хорватский происходит перед английской лексемой.

(22). *La última vez vi como sembraba las, e, las ciruelas, no ciruelas, cómo se dice sherry? Ne sherry, strawberry? Kako/kamo se dice strawberry na spanjolski? A vidiš. Jagoda, jagoda, kako se kaže jagoda?* (Последний раз я видела, как сеют, сливы, не слива, как сказать *sherry* (вишня)? Не *sherry*, *strawberry* (клубника), как сказать *strawberry* по-испански? Вот видишь. Клубника (хорв.), как сказать клубника?)

В редких случаях у В.В. возникают гибридные высказывания, которые представляют интерес с точки зрения контактной лингвистики. Предыдущий пример (22) дает образец подобных явлений. Речь идет о следующем отрывке: *kako/kamo se dice strawberry na spanjolski*. Из-за особенностей произношения и быстрого темпа речи не совсем понятно, какой согласный произносится во втором слоге (*kako* или *kamo*). При реализации *k* лексема четко атрибутируется как хорватская, если же реализуется *m*, можно предположить гибридную форму вопросительного слова от хорватского *kako* и его испанского аналога *cómo*. В таком случае мы наблюдаем внутрисловное переключение, единственное в нашем корпусе. После вопросительного слова следует испанский глагол с возвратной частицей, порядок слов (в частности, положение возвратного местоимения относительно глагольной формы) здесь полностью идентичен в обоих языках (хорв. *kako se kaže* — исп. *cómo se dice*), что облегчает переключение кода для говорящего. Затем В.В. вводит слово на английском языке, которое нуждается в переводе на испанский, далее следует заключительная часть на хорватском языке.

(23) *O tú también imas kamera?* (Или у тебя тоже есть камера?)

(24) *La leche venía de la vaca, increíble, to mi era sensacija!* (Молоко было от коровы, невероятно, для меня это была сенсация!)

В примере (23) первые три элемента относятся к испанскому коду, затем глагол представлен хорватской формой (2 л. ед. ч.), определить четкую принадлежность кода прямого объекта сложно (*kamara*), поскольку лексема представлена в двух языках. Ее можно трактовать как принадлежащую хорватскому коду, но не проявляющую особенностей словоизменения (что находит подтверждение в других похожих примерах), либо как принадлежащую испанскому коду. Таким образом, мы наблюдаем подлежащее на L1 (*tú*), а спрягаемый глагол на L2 (*imas*), т.е. граница перехода проходит между подлежащим и глаголом. Подобные случаи Я. Вольгемут трактует как «вставка парадигмы» [Wohlgemuth 2009, 118]. Однако фонетическое «оформление» этой вставки не несет на себе следы испанского влияния: конечный шипящий (*ima[š]*) произносится как глухой свистящий (*ima[s]*), что характерно для славянско-испанских контактных ситуаций (см. [Пилипенко 2021, 477]). В примере (24) можно наблюдать начало гибридного высказывания на хорватском: подлежащее — указательное местоимение (*to*) — и краткая форма личного местоимения 1 л. ед. ч.

в дат. п. (*mi*), затем следует глагол быть на L1 в имперфекте в 3 л. ед. ч. (*era*), после употреблено слово с интернациональным корнем, которое скорее напоминает L2 (*senzacija* – *sensación*). Испанское влияние в этой лексеме проявляется в фонетике – оглушение интервокального [z]. Возникновению подобных высказываний может способствовать подобие косвенных форм личных местоимений в обоих языках (хорв. *mi* – исп. *me*, форма ударного местоимения после предлогов в испанском, например *a mi*) и сама структура предложения (ср. исп. *me era sorprendente que...* (для меня было удивительным, что...)), что можно назвать «конгруэнтной лексикализацией», если пользоваться терминологией П. Мэйскена [Muysken 2000]. Здесь мы уже видим иную ситуацию, чем в примере (23): подлежащее на L2, а предикат на L1. Случаи разнокодовой принадлежности подлежащего и предиката хотя и редко встречаются, но все же не являются уникальными; фиксировались они, например, и в ситуации итальянско-словенского контакта в словенском Приморье: *tu_{it} sei_{it} full_{sl} zmotana_{sl}* (ты очень ошибаешься) [Morato-Vatovec 1994].

II. Хорватские высказывания В.В. имеют ряд особенностей. Не претендуя на полноту описания языковой компетенции информантки в L2, можем лишь отметить самые яркие явления. В консонантизме – замещение глухого шипящего [š] и звонкого свистящего [z] глухим свистящим [s], на что уже обращалось внимание выше, например: *fejs adresu imas* (у тебя есть адрес фейсбука). В области консонантизма также отметим нестабильность [h]: *oće vidjet životinje* (он хочет посмотреть животных). Не всегда последовательно осуществляется согласование по роду глагольных форм в перфекте. Глагольная форма *smrzli* принимает окончание м.р. мн. ч., при ожидаемой флексии *-e* (ж.р., мн. ч.), тогда как прилагательное *male* согласуется с главным словом *jabuke* по правилам: *ovo su te jabuke, male jabuke, a lani su smrzli* (это те яблоки, маленькие яблоки, а в прошлом году они померзли). В следующем примере глагольная форма *rodili* также имеет окончание м.р. мн. ч. вместо ж.р. мн. ч.: *kažem, ja sam prvi put sadila ovako jagode jer lani mi nisu rodili* (я говорю, я первый раз сажала вот так клубнику, в прошлом году у меня она не уродилась).

В.В. часто использует формы инфинитива без конечного *-i*: *mi idemo vidjet životinje* (мы идем смотреть животных). В перфекте в форме причастий м.р. ед. ч. наблюдаются стяженные окончания: *kaže ko je to došo* (он говорит, кто это пришел).

В речи В.В. фиксируются формы наречий и местоимений, распространенные в диалектах хорватского языка: *tuj su ga ranili (tu)* (ср. *tuj* в говоре Нашице в Славонии [Sekereš 1963, 286]), *nismo ni imali ni orahe ni niš (ništa)*. Последнее (*niš*) отмечается в том числе в говорах Истрии (по свидетельству информантки, она жила в Истрии некоторое время)⁷. Были выявлены лексемы без признаков словоизменения. Речь идет о существительных ж.р. на *-a*: *možeš pričat tako, preko kamera* (хорв. *preko kamere_{gen}*) (ты можешь говорить так, через камеру); *dat ćeš adresa* (хорв. *dat ćeš adresu_{acc}*) (ты дашь адрес). Подобная практика позволяет рассматривать принадлежность части высказывания примера (23) хорватскому языку. Отметим, что в других ситуациях В.В. производит согласование по правилам языковой системы L2. Вероятно, такие случаи являются реликтами начальной стадии освоения языка. Среди перечисленных явлений к диалектным можно отнести: нестабильность [h], форму инфинитива на *-t*, стяженные формы причастий в перфекте у форм 3 л. ед.ч.м.р., формы наречий

⁷ Prikaz riječi ništa // Istarski rječnik [Электронный ресурс] / akad. J. Bratulić i kol. Pula: Histria Croatica – C.A.S.H. URL: <http://www.istarski-rjecnik.com> (дата обращения: 18.12.2022).

и местоимений *tuj, niš*. Произношение [s] вместо [š] и [z], употребление лексем без признаков словоизменения, а также колебания при согласовании по роду можно отнести к интерференционным явлениям.

III. Во время общей части беседы, в которой участвовали В.В., З.В., а также оба исследователя, один из которых владеет хорватским и чешским (С.Б.), а другой хорватским и испанским (Г.П.), В.В. говорила на хорватском и чешском. Хорватский она использовала как общепонятный для всех собеседников язык в начале беседы и в дальнейшем при обращении к Г.П. Как уже было сказано, чешский язык для В.В. является L3, она освоила его через общение с мужем, который разговаривает с ней и с детьми преимущественно по-чешски: *Česki, ano. I na manželku česki. Vona mn'e horvacki, ja na n'i česki* ([Я разговариваю с детьми] по-чешски, да. И с женой по-чешски. Она [говорит] мне на хорватском, а я ей — на чешском). Здесь мы также сталкиваемся с таким явлением, как владение языком семьи, в которую приходит жена из другого этнического сообщества. Похожие практики мы наблюдали в румынском Банате, где невестки из румынских семей выучивают чешский язык (язык миноритарного сообщества) [Пилипенко, Борисов 2021, 66–67]; см. также [Морозова, Русаков 2018] о ситуации на черногорско-албанском языковом пограничье.

Объем словоупотреблений в высказываниях В.В. на чешском составил 485 словоформ. Точный подсчет хорватских заимствований среди них является затруднительным, так как некоторые слова (например, *škola, ono, na*) можно считать полными когнатами, другие — когнатами с незначительными отличиями (например, чеш. *kde* [gde] и хорв. *gdje* [gdje]; ср. также экавский вариант произношения [gde]), а потому такие контактные явления могут трактоваться как фонетические. При подсчете заимствований было решено в таких случаях учитывать только формы, фонетически близкие хорватским (например, *tam gdje ste završili*), а полные когнаты не учитывать. Количество заимствованных из L2 словоформ составило 96, или 19,79% всех высказываний на L3. Стоит иметь в виду, что приведенное здесь процентное соотношение условно, так как общий объем записанного нарратива на L3 сравнительно небольшой.

Среди заимствованных хорватских существительных в нашей выборке преобладают названия растений, которые выращивает В.В. (четыре лексемы): *paradajz, pastrn'ak, grašak, češn'ak*, при этом было зафиксировано столько же чешских названий: *brambori, mrkef, petružel, zeli*, а также один когнат *celer*. Встретились хорватские названия животных: *jan'ata, pjetlo*, а также когнаты: *owce, kozi, psi, kon'i, krava*. Для определения преобладающей словоизменительной парадигмы (чешской или хорватской) в нашем корпусе недостаточно словоупотреблений в разных формах, однако была зафиксирована форма с чешским суффиксом -ka: *krawki*. В.В. признается, что она росла и жила до замужества в городской среде, а со сферой сельского хозяйства соприкасалась только когда приезжала на ранчо к своему дяде (пример (25)). В данном примере примечательно также употребление лексемы *ranč* в том виде, в котором она заимствована в хорватском и чешском языках, а не в гипотетически ожидаемой форме исп. *rancho*.

(25) З.В.: Vid'elas krávu gde, u strejce ve Boliviji, ano⁸?

В.В.: Da, u-u-u.. ve-e Santa Kruzu. Tamo strejci mjel ten **ranč**. Veliki **ranč**. [...] I tad sam mjela vi **kon'i** i **kravi**. A **krawki** co bili, malički. Ne takvi veliki ko ovi.

⁸ В примерах на чешском языке используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии. Мягкость обозначается апострофом: *t'ěške*. Задненебный согласный, обозначаемый в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции обозначен *x*.

Tamn'i menči **kraf**, tadi su puno veči (— Ты видела корову где, у дяди в Биливии, да? — Да, в Санта-Крузе. Там у дяди было ранчо. Большое ранчо. И тогда у меня были кони и коровы. А коровки, которые были, маленькие. Не такие большие, как эти. Там меньше коровы, здесь гораздо крупнее).

В.В. также вспомнила языковой анекдот, связанный с трудностями, с которыми она сталкивалась, когда встраивалась в новую для себя лингвокультурную среду (пример (26)) (о языковых анекдотах см. также [Пилипенко 2020, 100–101]). Зная только хорватскую лексику *kokoš* 'курица', она испытывала сложности с названием петуха, поэтому пользовалась описательным обозначением *muško kokoš* (хорв. досл. «мужчина курица»). В разговоре с исследователями она использовала словоформы *slepice* (чеш. «курица») и *za pijetlo* (хорв. *pijetao* «петух», пример (26)). Окончание *-o* в винительном падеже может свидетельствовать о тенденции к отсутствию словоизменения, о которой говорилось выше (ср. хорв. вин. п. *za pijetla*), а также о том, что форма на *-o* ассоциируется у собеседницы с парадигмой среднего рода.

(26) В.В.: A co sam žikala za **pijetlo**?

З.В.: **Muško kokoš**. Da n'eco vip-, vipravjela, a-a ne nemohla spomenut, jak se žika kokan ne. E pak puta na horvacki muško kokoš, jako muska slepica ne. (— А как я называла петуха? — Мужчина курица. Что-то рассказывала, а не могла вспомнить, как сказать петух. И тогда говорит по-хорватски: «мужчина курица», как (чеш.) «мужская курица»).

В записанном фрагменте речи на L3 у В.В. встречаются преимущественно чешские формы глагола 'иметь': *tam, tate, maji, majou, mjel, mjela*. Среди форм глагола 'быть' (за исключением когнатов *je* и *jsi/si*) преобладают хорватские: *sam, nisam, smo, su* (всего 14 словоупотреблений); чешские формы были зафиксированы следующие: *sem, sme, sou* (всего четыре словоупотребления). Встретился также пример употребления хорватской формы *su* в функции связки, указывающей на лицо и число субъекта в прошедшем времени: *jedino oni, jedini, oni zustali su* (только они, единственные, они остались). При этом примечательна позиция этой формы — в конце высказывания, что свидетельствует о колебаниях в определении места клитик у В.В. В чешском языке в перфекте глагол-связка в форме третьего лица не употребляется, т.е. в данном примере мы видим синтаксическую трансформацию, возникшую под влиянием L2. Среди дискурсивных маркеров в речи В.В. преобладают хорватские лексемы: *evo, eto, oj, ovaj*.

В ряде случаев наблюдается влияние хорватского языка на сочетаемость чешских лексем с другими членами предложения. В примере (27) большая часть фразы сформулирована на хорватском, лексема *divadlo* подчиняется парадигме склонения L2 (ср. чеш. *s divadlem*), наблюдается также смещение ударения вправо. В (28) употреблено хорв. *dosta* на месте чеш. *dost*, после которого ожидается существительное в родительном падеже, однако лексема *pen'ize* остается без изменений. Были также зафиксированы случаи отсутствия согласования в роде (29), (30), роде и числе (31), (32). В примере (29) употреблены формы м.р. чешского местоимения *keri* (*který*) и числительного м.р. *p'rví*, которое, вероятно, стоит интерпретировать как прямое заимствование из L2 (а не как фонетическую модификацию чеш. *první*), отсутствует согласование в роде с лексемой ж.р. *vesn'ica*, которая приобрела окончание *-a* по аналогии с хорватской парадигмой склонения (ср. чеш. *vesnice*). В (30) актуализируются формы женского рода у порядкового числительного *devadesat druha*, что может быть связано с родом лексемы L2 *godina*, которое В.В., возможно, употребляет чаще, чем чешское *rok*. В примере (31) с лексемой *škola* не согласуется в числе форма

глагола 3 л. мн. ч. *so*, которую сложно однозначно отнести к чешскому (ср. *(j) sou*) или хорватскому (ср. *su*) языку, а также в роде и числе прилагательное *najači*. В (32) употреблены две лексемы, обозначающие одних и тех же актантов: *gholki* (ж.р. мн. ч.) и *gholčička* (ж.р. ед. ч.). Местоимение и прилагательное *ovakvi mali* при этом стоят в форме м.р. мн. ч., согласуясь в роде и числе с первым вариантом и не согласуясь со вторым. Учитывая предыдущие рассмотренные примеры, а также пример (33), можно предположить, что здесь проявляется тенденция к неизменяемости имен под влиянием L1.

(27) *Sad kad smo bili tamo, sa d'iv'adlom* (Сейчас, когда мы были там, с театром).

(28) *Mi sme s mlikem dosta pen'ize dostavali* (Мы от молока достаточно денег получали).

(29) *Keri je p'rví vesn'ica?* (Которая первая деревня?)

(30) *To je rok devadesat druha* (Это год девяносто второй).

(31) *To so najači škola* (Это самые сильные школы).

(32) *(g)holki, ovakvi mali (g)holčička* (Девочки, такие вот маленькие девочки).

Также обращает на себя внимание необычная с фонетической точки зрения протеза *g-* перед фрикативным *h* [ɣ] (пример (32)). Вероятно, ее появление в речи В.В. обусловлено сложностями, которые возникают у носителей испанского при произнесении задненебных фрикативных согласных в начале слова. Данная протеза, однако, в интервью больше нигде не встречается. Были зафиксированы примеры без нее в аналогичной позиции: *maji oni holku* (у них есть девочка); *tam hodn'e vic* (там гораздо больше). В отрывках на L2 встречаются случаи нечеткого произношения глухого заднеязычного *x* в начале слова: *On pije va. U (x)oru* (Он поет. В хоре), а также случаи произношения фрикативного *h* [ɣ] в этой же позиции: *evo mlijeko hočete* (вот, хотите молока). В формах на L3 встретилось ослабленное произношение *x*: *jak (x)ce* (как хочет); и четкое произношение: *sad si mi xit* (чеш. *chytl* «поймал»: сейчас ты меня поймал).

В примере (33) мы наблюдаем неизмененную форму чешского местоимения *gdo*, которая употреблена два раза. В силу отсутствия в нашем корпусе других примеров с данным местоимением приведенная далее интерпретация носит гипотетический характер. В.В. делает паузу между *nema gdo* и *gdo volat*, поэтому мы рассматриваем их как два отдельных предложения. Конструкцию *nema gdo* можно рассматривать как мотивированную L2 безличную конструкцию со значением отсутствия *nema nikoga* [Nazalević Čučević, Belaj 2018, 187] (в хорватском языке возможен также с именительным падежом *nema nitko*). Во втором предложении *gdo volat* при глаголе *volat* ожидается объект в вин. падеже. Появление им. пад. *gdo* можно объяснить влиянием повтора или проявлением общей тенденции к неизменяемости, о которой шла речь выше. Кроме того, не исключается влияние со стороны L1, в котором в аналогичном высказывании формы местоимений не подвержены изменениям (*no hay nadie a quien llamar*).

(33) *Ne daj bože se krava ze'teli. Nema gdo. Gdo volat ne?* (Не дай боже корова отелится. Никого нет / некого [позвать]. Кого звать?)

Принимая во внимание относительно небольшой объем зафиксированного нарратива на чешском языке, можно тем не менее сделать вывод об активном использовании В.В. элементов из L2 для заполнения лакун, возникающих в процессе говорения на L3. При этом такие случаи практически не маркируются вербальными или невербальными средствами (паузами, хезитации, фальстартами, интонацией, метаязыковыми комментариями), т.е. являются непреднамеренными [Cenoz 2003, 3] и не попадают в поле метаязыковой

осведомленности В.В. в отличие от ситуации использования элементов L2 в речи на L1. Кроме того, было отмечено два случая использования одиночных чешских лексем в хорватских высказываниях, которые также не были выделены (34), (35). Примечательно, что в обоих случаях речь идет о фразах, обращенных к мужу В.В., чеху, что, вероятно, спровоцировало появление чешских форм. В примере (35) нельзя исключать фонетической аттракции между хорватской и чешской формой (*taj – ten*), а также фактор широкого употребления местными чехами формы *taj* в значении ‘здесь’⁹. Также примечательно неразличение вин. и дат. падежей кратких форм местоимения 1 л. ед. ч. в примере (34) (*mi xit* вместо *me/mn’e xit*).

(34) E-e-e, *sad si mi xit* (Э-э-э, сейчас ты меня поймал).

(35) *Kako se zove ono mjesto si kupio ten stan?* (Как называется то место, где ты купил эту квартиру?)

В зону языковой осведомленности В.В. попала лексема из L3 *povuda* внутри высказывания на хорватском (36). Здесь мы наблюдаем заполнение паузы дискурсивами *e*, *um*, после чего информант дает «перевод» лексемы на хорватский язык. Применение данной стратегии обусловлено тем, что в этот момент общение велось всеми участниками беседы на хорватском языке.

(36) **Povuda**, *e*, *um*, *moj sin kaže*: «*Ako ideš u Češku, nemoj se vratit bez kofole*» (Говорит, э, эм, мой сын говорит: «Если ты едешь в Чехию, не возвращайся без кофолы»¹⁰).

Еще один пример осознанного переключения кода в нашем корпусе (37) – вставка фразы на испанском *mejor que no* («лучше не надо»). В.В. повторила ее дважды, когда З.В. говорил о том, что жена не стала учить его испанскому языку. Употребление этой фразы было сознательной отсылкой к конкретной ситуации, воспоминание о которой вызвало смех у обоих информантов.

(38) З.В.: *Ja ji učim, učim, naučil česki, a vona an’i nenaučila špan’elski [...]*

В.В.: **Mejor que no, mejor que no?** [смех]

З.В.: [смех] *Ona bi xt’ela na mn’e špan’elski mluvit ne* (– Я ее учу, учу, научил чешскому, а она [меня] даже не научила испанскому. – Лучше не надо, лучше не надо? – Она бы хотела со мной по-испански разговаривать).

IV. Родной язык З.В. – чешский, на нем осуществлялась коммуникация в родном доме информанта, а хорватский язык он изучал в школе. З.В. сообщил, что его предки переселились в Хорватию из окрестностей города Пльзень (населенные пункты Радошице (Radošice) и Стари Смоливец (Starý Smolivec)). Диалект данного края относится к юго-западной группе собственно чешских говоров. Цели и объем настоящей статьи не позволяют нам подробно остановиться на анализе диалектной основы речи З.В. на L1, отметим лишь следующие черты, характерные для всех собственно чешских диалектов, и приведем примеры из беседы с информантом: сочетание *ej* на месте долгого *ý* [Bělič 1972, 218] – *slejva se, tejdén, dobrej*; протетический *v-* перед *o* [Ibid., 220] – *vona, vovce*; *i* на месте долгого *é* – *vodvist* [Ibid., 218]; а также некоторые черты, характерные для говоров юго-западной подгруппы (но встречающиеся не только в них): сочетание *mj* по сравнению с преобладающим на собственно чешской территории *mn’* на месте мягкого губного *m’* [Ibid., 222] – *ve velkim mjest’e, prumjer, neumjeji*; *i-* в начале слова на месте *ji-* [Ibid., 222] – *itrn’ice, it, idlo*.

⁹ Cp. Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. – red. elektronické verze L. Čizmarová. – 2, elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://cja.ujc.cas.cz/CJA5> (дата обращения: 18.12.2022). S. 512.

¹⁰ Популярный в Чехии и Словакии газированный напиток.

Доля лексических заимствований из хорватского языка в речи З.В. составила 2,44%. Среди них выделяется большое количество дискурсивных маркеров: *baš, mada, e, pa, ma, evo, taj, ovaj, već, dobro, (z)nači* (28% всех заимствований). Стоит отметить, что дискурсив *(z)nači* ‘значит’, распространенный в хорватском языке, З.В. употребляет наравне с чешской формой *(z)namena*, которая является калькой, так как в аналогичном контексте в чешском языке ожидается лексема *tedy* (встретилась в интервью дважды). Были зафиксированы как одиночные употребления одной из этих форм, так и случаи, где обе формы употреблены в одной фразе (39).

(39) **Znamena** jesi si xt'el mit pobit ve Česku, tak musí se mit **znači** pjet roku bejt ten n'ejaki pšexodn'i pobit (Значит, если ты хотел получить постоянную регистрацию в Чехии, тогда нужно иметь, значит, пять лет, чтобы был тот самый вид на жительство).

Кальки встречаются также в других частях речи, примечательно употребление существительного *žeč* (ср. чеш. *řeč* «речь», «высказывание») в значении ‘слово’ (40)¹¹: в отличие от примера (39) здесь большую роль играет не близость семантики или функционирования, а формальное сходство с хорв. *riječ*. Данная калька встречалась нам в интервью с другими представителями общины, которые, за редким исключением, употребляли именно ее, а не лексему *slovo*.

(40) **Maji hodn'e žeči** horvackejx, takhle je to n'egdi prublem je rozumn'et (У них много слов хорватских, так что иногда это проблема — их понимать).

В примере (41) З.В., обращаясь к сыну, употребляет форму *navolamo*, которую можно отнести к явлению гибридизации (ср. чеш. *zavoláme* и хорв. *pozovemo*). Примечательна также автокоррекция, при которой З.В. изменяет окончание глагола, а также употребляет чешский дискурсив *jo* вместо *da*.

(41) **Navolamo**. Da. Nebo mu pošlu SMS nebo **navolame** jo (Позвоним. Да. Или я ему pošlu СМС-сообщение, или позвоним, да).

В целом можно констатировать, что немногочисленные хорватские заимствования в речи З.В. в большинстве случаев подвергаются фонетической (42), (43) или морфологической (44), (45) адаптации. В (42) хорв. *križanje* «перекресток» ассоциируется с чеш. *kříž* «крест» (ср. чеш. *křížovatka* «перекресток»), что вызывает появление *š* (о произношении [š] и [ž] на месте *ř* у чехов в сербском языковом окружении см. [Борисов 2021, 70]). В (43) нехарактерный для чешского литературного языка и указанных выше говоров взрывной *g* меняется на *h*, возникает также замена *ž* (ř) < *r* перед гласным переднего ряда по аналогии с чеш. *hořet* «гореть». Сравнительная степень заимствованных прилагательных образуется по чешской модели с использованием суффикса *-ejší* (44), (45).

(42) Tadi nahože to **kšīžan'e** (Здесь наверху этот перекресток).

(43) I vim, že sem vic potrošil **goriva** [...] pšišlo **hoživo** ne, benzin, neš co sem dostal (Я знаю, что я больше потратил топлива, закончилось топливо, бензин, чем я заработал).

(44) Pa mi, n'ejaki lid'i, je hloupjejši i **pametn'ejši**, taki krávi sou pametn'i a sou hloupí krávi (Ну и мы, какие-нибудь люди, есть поглупее и поумнее, так и коровы, есть умные, а есть глупые коровы).

(45) To bilo ze dževa, jen **debelejší** to bil d'elani (Это было из дерева, только толще было сделано).

¹¹ Такой семантический переход под влиянием сербского/хорватского языка осуществляется и в других миноритарных языках, в частности, в речи украинцев Боснии и Герцеговины: *v'it pol's'kojo an'i r'ič ne znaje* (из польского он ни одного слова не знает) (зап. ноябрь 2018, Приявор, муж. 84 г.).

Гиперкоррекция в примере (43) свидетельствует о метаязыковой осведомленности информанта. Среди других метаязыковых стратегий, которые использовал З.В. при возникновении трудностей: перевод лексемы (46), объяснение значения слова (47), (48), обращение за помощью к исследователю (49), контроль понимания (50) (подробнее о дискурсивных практиках в речи представителей национальных меньшинств см. [Борисов, Пилипенко 2020a]).

(46) *Kmotr držel ti n'ejaki jejix, jak po xorvacku, običaj nebo-o ti jako zviki ne* (Кум придерживался этих их, как это по-хорватски, обычаев или этих, обычаев).

(47) *Von bil ten kolaš, jako, mistr za dževjeni vjeci* (Он был колесник, мастер по предметам из дерева).

(48) *Vim, že kvjetli kv- kvjeti jorgovan, kvjet, ten jako takovi ti kitki* (Я знаю, что цвели, цветет сирень, цветок, этот, такие цветы).

(49) *Van'kuše i to, pulštaž nebo jak se žika tej česki?* (Подушки, подушка или как сейчас говорят по-чешски?)

(50) *Nevim jesi vite* со је крám (Не знаю, знаете ли вы, что такое лавка).

Метаязыковому осмыслению З.В. также подлежат имена собственные: топонимы (51), (52), этнонимы (52) и фамилии (не приводим пример в целях сохранения анонимности беседы).

(51) *Virovitica* se menuje, mi žikame *Verovice* i tak. Vice, vic po mađ'arski žekneme. On'i žikali jim se *Veróce* mađ'arski (Вировитица называется, мы говорим Веровице. Больше по-венгерски говорим. Они говорили Верёце по-венгерски).

(52) *A vite proč Pemije?* [...] P(r)otože *bemiš* je n'emecki česki, ne, bemš. I tak vostalo *bemiš*, *pemiš* i vostala *Pemija* (А вы знаете, почему [село Иваново-Село называется] Пемия? Потому что бемиш — это по-немецки «чешский», бемш. И так осталось, бемиш, пемиш, и осталась Пемия).

V. Вновь принимая во внимание различающийся в несколько раз объем высказываний на чешском языке З.В. (L1) и В.В (L3), сделаем некоторые общие выводы. Чешский язык З.В. гораздо меньше подвержен влиянию хорватского, чем чешский язык В.В. У З.В. это связано с тем, что чешский для него родной, он активно использует его дома, в общении с другими представителями меньшинства, в поездках в Чешскую Республику, смотрит чешское телевидение, читает материалы чешских интернет-порталов. Хорватский язык он использует прежде всего в сферах профессионального и официально-делового общения — общается на работе с клиентами, с начальством, говорит на нем в административных учреждениях. В бытовом общении он также использует хорватский язык, однако вовлеченность в жизнь чешского миноритарного сообщества и поддержание связей с Чешской Республикой делает чешский язык примарным в жизни З.В. В.В. выучила хорватский язык во взрослом возрасте, параллельно с освоением хорватского она начала воспринимать чешский. На чешском языке она общается с мужем и детьми, с соседями и знакомыми чехами, активно участвует в культурной жизни чешского меньшинства. С другой стороны, в любой из этих ситуаций она может перейти на хорватский. Языковой материал показывает, что речь В.В. на L3 — это скорее надстройка над более устойчивым L2 — хорватским, не для всех понятий она может подобрать чешское слово или оборот. При этом как одиночные заимствования, так и более обширные переключения кода между L3 и L2, хотя и происходят по причине недостаточной языковой компетенции, практически не маркируются как трудности: отсутствует хезитация, собеседница не прибегает к каким-либо дискурсивным стратегиям, которые бы сигнализировали о проблеме. В проанализированных нами отрывках маркированы были лишь переключения с L1 на

L2. С другой стороны, в речи ее мужа З.В. гораздо чаще обнаруживаются паузы, фальстарты, он прибегает к различным дискурсивным стратегиям в случае возникновения сложностей.

Заключение

В семье В. сложилась уникальная языковая ситуация, включающая в себя контакт трех языков, два из которых – славянские (чешский и хорватский), а третий относится к романской группе (испанский). Речь собеседников на L1 имеет свои региональные особенности, сформировавшиеся на той территории, откуда они родом. Активными для всех членов семьи являются чешский и хорватский. На чешском языке происходит общение внутри семьи (его инициатором является прежде всего З.В., поскольку В.В. общается с детьми также по-хорватски), и внутри чешской общины в Хорватии. Хорватский язык ни для кого не является родным: В.В. воспринимала его при общении с хорватами после переезда из Боливии в Хорватию, З.В., а также их дети – в коммуникации со сверстниками, а затем во время обучения в школе. Кроме того, В.В. является носителем испанского языка, которым она не пользуется в повседневном общении.

Если свести данные наших подсчетов в общую таблицу, то получим следующий результат:

	Доля лексических элементов L2 в высказываниях на L1	Из них доля дискурсивных элементов L2 в высказываниях на L1	Доля лексических элементов L2 в высказываниях на L3
В.В.	1,23%	17%	19,79%
З.В.	2,44%	28%	-----

Для В.В. и З.В. соотношение языков в паре L1 и L2 будет разным: если для В.В. речь идет о контакте неродственных языков – испанского языка с хорватским, то для З.В. это контакт языков славянской группы – чешского с хорватским. При этом доля элементов L2 у двух наших собеседников колеблется в относительно небольшом диапазоне (от 1,23 до 2,44%), что свидетельствует о достаточной устойчивости исходной языковой системы (L1) вне зависимости от типологической принадлежности контактирующих идиомов (для В.В. это тем более актуально, что в повседневной коммуникации у нее нет возможности использовать L1). С другой стороны, у З.В. доля элементов L2 все же в 2 раза выше, чем у В.В. Значительная доля дискурсивов из L2 в речи на L1 можно объяснить высокой встречаемостью их в речи. Показательно, что у В.В. отмечается проникновение в испанскую речь исключительно элементов L2, но не L3. Данные правого столбца применимы только для В.В. и демонстрируют высокую степень интеграции элементов из L2 в L3, что подтверждает у нее доминирующую роль хорватского языка.

Вряд ли можно сказать, что разница в степени проникновения элементов из L2 в L1 у информантов обусловлена одной лишь типологической принадлежностью языков. Здесь действует совокупность факторов: время усвоения языков (З.В. знакомится с хорватским языком самое позднее в начальной школе, тогда как В.В. в более позднем возрасте после переезда в Хорватию), частота их использования (В.В. не использует в повседневном общении L1, тогда как З.В. им активно пользуется), престиж в определенных коммуникативных ситуациях.

Рассмотренная нами ситуация контакта трех языков может быть прообразом описания подобных случаев многокомпонентного контактного взаимодействия

на микро- и макроуровнях. Отметим, что наши выводы касаются конкретной микроситуации на уровне отдельной семьи, для экстраполирования их на макроуровень необходимо привлечь данные большего числа информантов, что и составляет перспективу нашего исследования в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. – red. elektronické verze L. Čižmárová. – 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://cja.ujc.cas.cz/CJA5> (дата обращения: 18.12.2022).
Prikaz riječi ništa // Istarski rječnik / akad. J. Bratulić i kol. Pula: Histria Croatica – C.A.S.H. URL: <http://www.istarski-rjecnik.com> (дата обращения: 18.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов С.А. Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. 2021. № 3. С. 64–79.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Јужнословенски филолог. 2020а. Књ. 76. Св. 2. С. 127–156.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на материале полевого исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2020b. № 459. С. 15–26.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на примере данных полевого исследования) // Slavica Slovaca. 2021. Roč. 56. Č. 1. S. 55–68.
- Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XX века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.
- Конёв Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 17–33.
- Конёв Д.В., Соболев А.Н. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. СПб.: Наука, 2017. С. 985–1001.
- Морозова М.С., Русаков А.Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье в поисках сбалансированного языкового контакта // Slovene. 2018. № 7(2). С. 258–302.
- Нарумов Б.П. Испанский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2000. С. 411–462.
- Перотто М. Морфосинтаксические и нарративные трудности в речи русскоязычных детей-билингвов в Италии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 2. С. 97–101.
- Пилипенко Г.П. Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // Славяноведение. 2018. № 3. С. 64–80.
- Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики в речи украинцев Боснии и Герцеговины // Славяноведение. 2020. № 3. С. 89–103.
- Пилипенко Г.П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине: дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.
- Харламова М.А. Языковая личность пожилого человека сквозь призму интерференции (на примере речи носителя сибирского чешского говора) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 41–45.
- Antić L. Naši iseljenici u Boliviji prema NOB-u i obnovi zemlje // Migracijske i etničke teme. 1986. Godina 2. Broj 2. S. 85–97.
- Bělič J. Poznámky o češtině na Daruvarsku v Jugoslávii // Acta Universitatis Carolinae – Philologica Supplementum – Slavica Pragensia I. 1959. S. 59–75.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: SPN, 1972. 463 s.
- Brkićová-Strejšková J. Česko-chorvatská dvojjazyčnost žáků českých základních škol v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2012. № 30. S. 55–65.
- Cenoz J. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Implications for the organization of the multilingual mental lexicon // Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2003. № 78. P. 1–11.

- Horyna I. Zachování specifík české menšiny v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2012. № 30. S. 47–54.
- Lanza E. The family as a space: multilingual repertoires, language practices and lived experiences // Journal of multilingual and multicultural development. 2021. Vol. 42. No. 8. P. 763–771.
- Matras Y. Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p.
- Mendoza J. G. El castellano de Bolivia // Lenguas de Bolivia. Tomo IV. Temas nacionales / M. Crevels, P. Muysken (red.). La Paz: Plural editores, 2015. P. 21–54.
- Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968. 390 s.
- Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah na slovenski obali // Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone – Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994. San Pietro al Natisone: Cooperativa Lipa Editrice, 1994. P. 291–298.
- Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2006. 457 p.
- Nazalević Čučević I., Belaj B. Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati // Croatica. 2018. God. XLII. Broj 62. S. 179–205.
- Rajković Iveta M., Gadže P. Hrvati u Buenos Airesu i Rosariju, Latinosi u Zagrebu // Multipliciranje zavičaja i domovina: hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet / Grbić Jakopović J. (ur.). Zagreb: Filozofski fakultet u Zagrebu, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju, 2014. S. 133–154.
- Sekeš S. Govor Našičkog kraja // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1963. № 2. S. 209–301.
- Skelin Horvat A., Musulin M., Blažević A. G. Croatian in Argentina: Lexical transfers in the speech of bilingual Croatian-Spanish speakers // Diaspora Language Contact: The Speech of Croatian Speakers Abroad / ed. by J. Hlavac and D. Stolac. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 595–624.
- Skorwid S. «Mnie po rusku było ciężko gadać». Rozmowy z mieszkanką wsi Biełostok na Syberii // Acta Baltico-Slavica. 2019. № 43. S. 188–205.
- Skotáková J. Interkulturní komunikace daruvarských Čechů // AntropoWebzin. 2018. № 1–2. S. 1–8.
- Sohrová M. K některým jevům mluvy Čechů v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2005. № 23. S. 56–71.
- Stráníková H. Faktory, které působí na uchování jazyka a identity, v jazykových biografiích příslušníků české menšiny // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2020. № 38. S. 17–36.
- Vorobyeva T., Bel A. Factors affecting language proficiency in heritage language: the case of young Russian heritage speakers in Spain // Journal of language contact. 2021. № 14. P. 304–330.
- Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings, Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.
- Zentella A. C. Growing up bilingual: Puerto Rican children in New York. Oxford; Cambridge: Wiley – Blackwell, 1997. 323 p.
- Županović Filipin N., Bevanda Tolić K. Tra due sponde linguistiche: Commutazione di codice in due generazioni di una famiglia bilingue // Studia Romanica et Anglicae Zagradiensia: Revue publiée par les Sections romane, italienne et anglaise de la Faculté des Lettres de l'Université de Zagreb. 2015. № 60. P. 55–83.

Рукопись поступила в редакцию 07.02.2023

Рукопись принята к печати 25.06.2023

REFERENCES

- Antić L. Naši iseljenici u Boliviji prema NOB-u i obnovi zemlje. *Migracijske i etničke teme*, 1986, no. 2 (2), pp. 85–97. (In Croat.)
- Bělič J. *Nástin české dialektologie*. Prague, SPN Publ., 1972, 463 p. (In Czech.)
- Bělič J. Poznámky o češtině na Daruvarsku v Jugoslávii. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica Supplementum – Slavica Pragensia I*, 1959, pp. 59–75. (In Czech.)
- Borisov S. A. Kontaktnye iavleniia v iazyke etnicheskikh chekhov serbskogo Banata. *Slavianovedeniye*, 2021, no. 3, pp. 64–79. (In Russ.)
- Borisov S. A., Pilipenko G. P. Diskursivnye praktiki i metaiazykovoje kommentirovanije v rechi predstavitelei natsional'nykh men'shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavianskikh soobshchestv Respubliki Serbskoi). *Južnoslovenski filolog*, 2020a, knj. 76, sv. 2, pp. 127–156. (In Russ.)

- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-serbsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate (na materiale polevogo issledovaniia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020b, no. 459, pp. 15–26. (In Russ.)
- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate (na primere dannykh polevogo issledovaniia). *Slavica Slovaca*, 2021, no. 56, pp. 55–68. (In Russ.)
- Bričková-Strejčková J. Česko-chorvatská dvojazyčnost žáků českých základních škol v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2012, no. 30, pp. 55–65. (In Czech.)
- Cenoz J. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Implications for the organization of the multilingual mental lexicon. *Bulletin suisse de linguistique appliquée*, 2003, no. 78, pp. 1–11.
- Dobrushina N.R. Mnogoiazychiye v Dagestane kontsa XIX – nachala XX veka: popytka kolichestvennoi otsenki. *Voprosy iazykoznanii*, 2011, no. 4, pp. 61–80. (In Russ.)
- Horyna I. Zachování specifík české menšiny v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2012, no. 30, pp. 47–54. (In Czech.)
- Kharlamova M.A. Iazykovaia lichnost' pozhilogo cheloveka skvoz' prizmu interferentsii (na primere rechi nositelia sibirskogo cheshskogo govora). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 455, pp. 41–45. (In Russ.)
- Koně D.V., Makarova A.L., Sobolev A.N. Statisticheskii metod iazykovogo profilirovaniia nositelia dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berchinovats). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no. 58, pp. 17–33. (In Russ.)
- Koně D.V., Sobolev A.N. Osobennosti neravnovesnogo bilingvizma u rumynoiazychnykh karashevtsev v sele Iabalcha. *Indoevropskoje iazykoznanije i klassicheskaia filologiya-XXI (chteniia pamiati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 26–28 iunija 2017 g. Saint-Petersburg*, Nauka, 2017, pp. 985–1001. (In Russ.)
- Lanza E. The family as a space: multilingual repertoires, language practices and lived experiences. *Journal of multilingual and multicultural development*, 2021, vol. 42, no. 8, pp. 763–771.
- Matras Y. *Language Contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 366 p.
- Mendoza J.G. El castellano de Bolivia. *Lenguas de Bolivia. Tomo IV. Temas nacionales*, ed. M. Crevels, P. Muysken, La Paz, Plural editores, 2015, pp. 21–54. (In Esp.)
- Mirković D. *Govori Čeha u Slavoniji (Darugar i okolina)*. Belgrade, Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968. 390 p. (In Serb.)
- Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah na slovenski obali. *Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone – Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994*. San Pietro al Natisone, Cooperativa Lipa Editrice Publ., 1994, pp. 291–298. (In Sloven.)
- Morozova M.S., Rusakov A. Iu. Chernogorsko-albanskoje iazykovoje pogranich'je v poiskakh sbalansirovannogo iazykovogo kontakta. *Slovene*, 2018, no. 7 (2), pp. 258–302. (In Russ.)
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 306 p.
- Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden; Oxford; Carlton, Blackwell Publishing, 2006, 457 p.
- Narumov B.P. Ispanskii iazyk. *Iazyki mira. Romanskije Iazyki*. Moscow, Academia Publ., 2000. pp. 411–462. (In Russ.)
- Nazalević Čučević I., Belaj B. Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati. *Croatica*, 2018, no. XLII (62), pp. 179–205. (In Croat.)
- Perotto M. Morfosintaksicheskiye i narrativnyye trudnosti v rechi russkoiazychnykh detei-bilingvov v Italii. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 97–101. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. Markirovanije interferentsionnykh iavlenii v slavianskoi rechi Iuzhnoi Ameriki. *Slavianovedenije*, 2018, no. 3, pp. 64–80. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. Diskursivnyye praktiki v rechi ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny. *Slavianovedenije*, 2020, no. 3, pp. 89–103. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. *Iuzhnovolynskii dialekt ukrainskogo iazyka v Argentine: dnevnik pereselentsa iz mezhvojennoi Pol'shi Kirilla Vozniuka*. Moscow, Indrik Publ., 2021, 512 p. (In Russ.)
- Rajković Iveta M., Gadže P. Hrvati u Buenos Airesu i Rosariju, Latinosi u Zagrebu. *Multipliciranje zavičaja i domovina: hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet*, ed. J. Grbić Jakopović. Zagreb, Filozofski fakultet u Zagrebu, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju, 2014, pp. 133–154. (In Croat.)
- Sekereš S. Govor Našičkog kraja. *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1963, no. 2, pp. 209–301. (In Croat.)
- Skelin Horvat A., Musulin M., Blažević A.G. Croatian in Argentina: Lexical transfers in the speech of bilingual Croatian-Spanish speakers. *Diaspora Language Contact: The Speech of Croatian Speakers Abroad*, ed. J. Hlavac and D. Stolac. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 2021, pp. 595–624.

- Skorwid S. «Mnie po rusku było ciężko gadać». Rozmowy z mieszkanką wsi Biełostok na Syberii. *Acta Baltico-Slavica*, 2019, no. 43, pp. 188–205. (In Polish.)
- Skotáková J. Interkulturní komunikace daruvarských Čechů. *AntropoWebzin*, 2018, no. 1–2, pp. 1–8. (In Czech.)
- Sohrová M. K některým jevům mluvy Čechů v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2005, no. 23, pp. 56–71. (In Czech.)
- Stráníková H. Faktory, které působí na uchování jazyka a identity, v jazykových biografiích příslušníků české menšiny. *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek*, 2020, no. 38, pp. 17–36. (In Czech.)
- Vorobyeva T., Bel A. Factors affecting language proficiency in heritage language: the case of young Russian heritage speakers in Spain. *Journal of language contact*, 2021, no. 14, pp. 304–330.
- Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2009, 459 p.
- Zentella A. C. *Growing up bilingual: Puerto Rican children in New York*. Oxford – Cambridge, Wiley – Blackwell, Publ., 1997, 323 p.
- Županović Filipin N., Bevanda Tolić K. Tra due sponde linguistiche: Commutazione di codice in due generazioni di una famiglia bilingue. *Studia Romanica et Anglica Zagradiensia: Revue publiée par les Sections romane, italienne et anglaise de la Faculté des Lettres de l'Université de Zagreb*, 2015, no. 60, pp. 55–83. (In Ital.)

Received on 07.02.2023

Accepted on 25.06.2023

Информация об авторах:**Пилипенко Глеб Петрович**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5422-0039
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Борисов Сергей Александрович

младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Information about the authors:**Gleb P. Pilipenko**

Ph D. (Philology), Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5422-0039
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Sergej A. Borisov

Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com